

нимало участие 769 человек. Варианты ответов были следующими:

- *чрезвычайно опасен* – 108 (14,04 %)
- *является одной из главных глобальных проблем современности* – 29 (3,77 %)
- *представляет опасность только для новичков в сети Интернет* – 87 (11,31 %)
- *не представляет серьезной угрозы обществу* – 29 (3,77 %)
- *вполне безопасен* – 10 (1,3 %)
- *не опасен вообще* – 20 (2,6 %)
- *считаю, что это полезный вид человеческой деятельности* – 25 (3,25 %)
- (почти) не знаком с данным явлением – 30 (3,9 %)
- *а что это такое?* – 431 (56,05 %)

Анализируя вышеуказанные результаты голосования следует отметить высокий процент людей, которые не сталкивались с сетевым троллингом вообще (56 %), однако, на втором месте по популярности среди ответов – «чрезвычайно опасен». Близко к нему «представляет опасность только для новичков», что вполне логично по причине того, что пользователи сети Интернет, малознакомые с сетевым пространством, вполне могут стать жертвами мошенников, в том числе и троллей. Почти одинаковое количество голосов набрали остальные ответы, свидетельствующие, прежде всего, о мнении меньшинства в отношении угрозы/безопасности сетевого троллинга.

«ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА» В ТЕКСТАХ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ

Сеньшин Е.А., Поталуй В.В.

Военный авиационный инженерный университет,
Воронеж, e-mail: vpotaluy@mail.ru

Исторически «ложные друзья переводчика» являются результатом взаимовлияний языков, в ограниченном числе случаев могут возникать в результате случайных совпадений, а в родственных, особенно близкородственных, языках основываются на родственных словах, восходящих к общим прототипам в языке-основе.

В английском и русском языках слова этого рода в подавляющем большинстве случаев представляют собой прямые или опосредствованные заимствования из общего третьего источника. Значительно меньше представлены результаты собственно англо-русских языковых контактов: слова английского происхождения в русском языке и русского происхождения в английском.

С первого взгляда может показаться, что «ложные друзья переводчика» способны вводить, в заблуждение только людей, начинающих изучение языка и плохо владеющих им. В действительности дело обстоит наоборот: основная масса «ложных друзей» оказывается опасной именно для лиц, уверенно и практически удовлетворительно пользующихся языком, хотя и не достигающих степени адекватного несмешанного двуязычия и поэтому допускающих ложные отождествления отдельных элементов систем иностранного и родного языков.

Многие военно-научные и технические термины возникают с использованием интернациональных источников терминологии (латинских и греческих корней).

Существует довольно большая группа интернациональных военных терминов, которые встречаются в английском и русском языках (**division, general, lieutenant, major**). Однако надо иметь в виду, что такие термины в английском языке могут иметь другое или несколько измененное значение по сравнению с русским. Например, термин **general staff** следует переводить как «общий штаб» или «общая часть штаба», но не как «генеральный штаб», так как понятие

генеральный штаб ничего общего не имеет с понятием **general staff**.

Термин **military academy** правильно переводится как «военное училище», а не «военная академия», **ammunition** – «боеприпасы», а не «амуниция, снаряжение»; **diversion** «отвлекающий удар», а не «диверсия»; **disposition** «боевой порядок», а не «диспозиция», **barracks** «казарма», а не «барак», **monitor** «наблюдатель», а не «монитор».

Большую трудность чем собственно «ложные друзья» переводчика представляют многозначные английские слова, одно из значений которых вошло в русский язык, причем, нередко не самое частотное. Например: **bomb** не только «бомба», но и «минометная мина»; **battalion** не только «батальон», но и «дивизион»; **strategic** не только «стратегический», но и «оперативно-стратегический, оперативный», **operation** не только «операция», но и «деятельность, работа», «боевые действия», **control** не только «контроль», но и «управление».

При переводе следует также всегда учитывать реальное значение термина в данной обстановке, в данном контексте. Например, термин **battalion** означает «батальон» в пехоте, но «дивизион» в артиллерии; термин **section** в вооруженных силах США означает «секция» в подразделениях тяжелого оружия пехоты, «орудие» в артиллерии, а в вооруженных силах Великобритании «отделение» в пехоте, «взвод» в артиллерии.

Причиной ошибок при переводе может быть грамматическое несовпадение схожих английских и русских слов. Так, ряд существительных в английском языке употребляется в единственном и множественном числе, а в русском — только в единственном. Во множественном числе **industries** может означать «отрасли промышленности или промышленности (ряда стран)»; **policies** может означать «политика, политический курс ряда стран или в разных областях», **nuclear weapons** – «ядерное оружие».

Влияние иностранных языков в английской военной лексике проявляется и в образовании так называемых «калек». В последнее время, например, появилось много калек с русского языка: **inhabited point** «населенный пункт»; **rifle division** «стрелковая дивизия»; **front** «фронт (объединение)».

К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОРЕННЫХ АМЕРИКАНЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ ШЕРМАНА АЛЕКСИ «ФЕНИКС, ЧТО В АРИЗОНЕ»)

Середина О.В.

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского,
Чита, e-mail: oxa-seredin@mail.ru

Большинство текстов, создаваемых авторами в последнее время, являются мультикультурными. Как считает профессор кафедры теории и истории русского языка ЗабГГПУ Ахметова Г.Д., текст, созданный писателем, становится объективной реальностью, живет своей, независимой жизнью. Он может получать различные читательские оценки, порой противоречивые; может оказать влияние на формирование субъективной оценки читателя. Каждый из читателей, либо из исследователей в какой-то мере становится автором, создавая свой образ [2]. По наблюдению Гладрова В., происходит слияние ролей в произведениях: автора и героя, читателя и персонажа, исследователя и автора и т.д. Именно в подобном слиянии – сила художественного текста. Если читатель поверит, если он задумается, если он расскажет другим о прочитанном, – значит, писатель достиг цели [3]. Следствием этого является влияние имеющихся в тексте стереотипов на современного читателя.

В рассказах коренных американцев можно встретить столкновение двух различных культур, увидеть их противоборство и взаимодействие. Стукалин Ю.В. отмечает, что в современном мире много внимания уделяется формированию целостного представления об исторических традициях и ценностях художественной культуры народов мира. Индейская культура занимает достойное место среди прочих культур. История коренных американцев – или американских индейцев – уникальна, трагична и в то же время полна оптимизма.

По утверждению Шермана Алекси, в наши дни коренные американцы – полноправные граждане Соединенных Штатов, которые гордятся тем, что они американцы. Однако они не менее гордятся и своим собственным культурным наследием, и, как это ни трудно в современном мире, пытаются защитить и сохранить его [1].

Начало индейскому ренессансу, по мнению американского литературоведа Э. Уайета и других ученых положила в 1968 году публикация романа Наварра Скотта Момадея «Дом из рассвета сотворенный», не смотря на то, что Америка и Канада знают имена многих индейских литераторов, чьи произведения были созданы значительно раньше. Среди них Чарльз Александр Истмэн, Полин Джонсон, Люси Томпсон [8].

Литературные произведения каждого из названных авторов были по-своему самобытны и отражали специфический индейский взгляд на мир.

В своей статье Диана Тиль пишет о том, что представитель современной литературы 21 века Шерман Алекси известен как поэт. Двигаясь по течению сегодняшних требований, он переключился с поэзии на прозу, более того – на написание сценариев. Свое увлечение кино Алекси объяснил двумя вещами, казалось бы, далекими от творчества: коммерческий успех и доступ к более широкой аудитории [7]. Шерман Алекси – первый американский индеец, который перешел на новый уровень: заменил создание традиционных рассказов на написание сценариев. Но Алекси не был бы американским индейцем и, в конце концов, самим собой, если бы не сказал: «Сейчас я работаю над фильмом, и я пришел к осознанию того, что сидение в кинотеатре – это современный эквивалент сидения вокруг костра, слушая рассказчика... и из-за этого, индейцы, все люди, будут более восприимчивы к фильмам, чем к книгам» [7, 11]. Одним из традиционных явлений являются «рассказы у костра», отражение данного мотива можно встретить и в рассказе «Феникс, что в Аризоне» – имя одного из главных героев Томас Разжег Костер. Один из главных героев является любителем рассказывать различные поучительные истории: «Постоянное его занятие. Томас – рассказчик без слушателей. Все равно как зубной врач в городе, где у всех жителей искусственные челюсти», – это отражает мировоззрение современного индейца, который представлен вторым действующим лицом в рассказе, Виктора [1, 14]. Он живет в современном мире, где нет места чудесам, надеждам и вере в светлое будущее. Когда Томас Разжег Костер и Виктор были десятилетними мальчишками, они жили обычными детскими радостями: «Фейерверк оказался жиденький – несколько бутылочных ракет и фонтан с подсветкой. Но двум индейским мальчишкам довольно было и того. Позже, годы спустя, им уже требовалось гораздо больше» [1, 21]. Разница была лишь в том, что Томасу необходимы положительные эмоции, а Виктору – красота, зрелищность, заинтересованность в мелочных вопросах.

Также, по мнению Алекси, произведения коренных американцев зачастую воспринимаются как некое отражение исторической действительности. Между тем, индеец-художник также хочет быть просто ху-

дожником. Он хочет говорить от себя и о себе, и просто быть услышанным. «В конце концов, мы – индейцы сегодняшнего дня, и мы такие, какими вы нас сделали. Но это не означает, что мы будем выглядеть так, как вы хотите» [7, 45]. В рассказе «Феникс, что в Аризоне» автор акцентирует наше внимание на особе женского пола – по имени Норма Много Коней. «Будь это кто другой, даже и мужчина, индейские ребята наплевали бы на такую попытку вмешательства. Однако Норма – другое дело. Норма – воительница. На ее стороне сила. Она могла схватить любых двоих парней и стукнуть головами так, что черепушки вдрызг. И хуже того – она бы отволокла их всех в какой-нибудь первобытный вигвам слушать рассказы какого-нибудь занюханного старого вождя» [1, 52]. Традиционное почтительное отношение к вождю заменяется на приниженное – «какой-нибудь занюханный старый вождь». Из этого можно сделать вывод, что это является выражением современного принятия действительности, точнее непринятием каких-то влияний со стороны; герой бунтует против всякой власти, что абсолютно не свойственно индейцам прошлых поколений. Уважение к женщине-воительнице говорит о том, что живы еще старые идеалы. У коренных американцев отношение к женщине было почтильным. Она была Спутницей, помогала в решении вопросов на совете, и если умирал ее супруг, она занимала его место в Совете.

Для большинства коренных авторов, литература – это способ выживания и сопротивления. «Многие из нас – изгнанники» – говорит Алекси. «Мы находимся в ситуации, когда сказанное слово звучит как сказанное не просто от себя лично, и даже не от имени поколения, что свойственно большинству белых авторов, а от имени всего народа» [7, 66]. В рассказе «Феникс, что в Аризоне» мотив изгнанничества имеет место быть: «Отец Виктора неделю пролежал в этом трейлере при 100 по Фаренгейту. И нашли его там как раз по запаху. Для установления личности потребовалась карта из зубоврачебного кабинета. Так сказали у коронера» – за то время, что отец Виктора был в Аризоне, он не обрел друзей и жил, как изгнанник, хотя индейцы по традиции – очень дружелюбный и общительный народ [1, 98].

Судаков К.В. особое внимание уделяет тому, что многие из тех, кто читает Ш. Алекси впервые, читают его как американского индейца. Несмотря на то, что вот уже почти двести лет живут в одной стране, разница в менталитете огромна. «Белые» американцы прочерчивают границы, а индейцы пересекают их с азартом и жадностью. Они выше прочего ценят жизнь, предпочитая замешивать внутри неё любые условности. Они же, зачастую, ставят условности выше жизни. Сам автор пришел к поэзии тем же путем, каким достиг других вещей в жизни. Он не любит, чтобы указывали, что делать. И создает произведения, ориентируясь только на свои собственные ощущения. В начале карьеры Шерман Алекси писал свободные стихи с некоторым влиянием формы, но в последнее время стал писать вещи с большим влиянием свободной поэзии. Как человек, выросший в резервации, он не приемлет любых ограничений; жажда нового – это основной источник вдохновения [6].

Проблема сохранения традиций в произведениях коренных американцев имеет место быть. Остались определенные типаж и имена, но изменилось отношение к тому, что создавалось веками. Авторы признают и гордятся своим наследием, но стараются показать, что творчество современных индейцев не отличается от творчества «белых» американцев, лишь только имеет особенность, которая заключается в некоторой специфичности названий, имен и обрядов.

Список литературы

1. Алексеев Ш. Феникс, что в Аризоне. – М.: Terra, 2006. – 120 с.
2. Ахметова Г.Д. Интерпретация текста: лингвистический аспект // Вестник ЗабГПУ. Серия 1. Филология. – Чита, 2008. – Вып. 1. – 130 с.
3. Гладков В. Стереотипы в межкультурной коммуникации. – М.: МГУ, 1994. – 117 с.
4. Мотылева Т.Л. Зарубежный роман сегодня. – М.: Литература, 1996. – 200 с.
5. Стукалин Ю.В. Культура индейцев. – М.: Дрофа, 2005. – 221 с.
6. Судаков К.В. Динамические стереотипы, или Информационные отпечатки действительности. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 123 с.
7. Тиль Д. Беседа с Шерманом Алексисом о культуре коренных американцев. – Новосибирск: Р-Авеню, 2009. – 87 с.
8. Распопин В.Н. Эпоха Ренессанса. Франция: лекции по истории зарубежной литературы. – www.raspopin.den-za-dnem.ru.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «МОДАЛЬНОСТЬ»

Симатова С.А.

*Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет
им. Н.Г. Чернышевского, Чита, e-mail: sonyachita14@yandex.ru*

Одной из проблем современного языкознания является определение сущности понятия «модальность». Модальность – многозначный термин. В зависимости от того, с точки зрения какой науки рассматривать данную категорию, можно выделить целый ряд определений, характеризующих модальность. В связи с разнообразием подходов к рассматриваемому явлению, тема настоящей статьи представляется весьма актуальной. Необходимо иметь четкое понимание значения термина «модальность», учитывая то, в какой сфере он употребляется в конкретной ситуации. Модальность рассматривается в русле многих наук, таких, как философия, логика, психология, лингвистика.

Наиболее часто используется понятие модальности в логике, философии и лингвистике. Следует отметить, что некоторые положения логико-философских теорий модальности составляют концептуальную основу изучения модальности в языке. Поэтому понимание логико-философской сущности понятия «модальность» имеет важное значение для изучения данного понятия в рамках лингвистики.

А.В. Зеленщиков в монографии «Пропозиция и модальность» утверждает, что «...категория модальности определяется взаимодействием понятий возможности, действительности и необходимости» [1, с. 8]. Именно выявление характера этих взаимодействий отличает одно логико-философское направление от другого. С точки зрения А.В. Зеленщикова большой интерес представляют рассуждения о модальности известнейшего философа античности Аристотеля [1]. Аристотель говорил о разделении всего «сущего» на две большие группы: сущее в возможности и сущее в действительности, разграничивая тем самым понятия возможности и действительности. Он выделил несколько типов возможности и необходимости, которые, по его словам сопряжены друг с другом. Исследуя взаимосвязь возможного и необходимого, философ выявил два основных вида модальности: унитарную, или безусловную, модальность и билатеральную, или условную модальность. При этом безусловная модальность связывалась с сущим в действительности, а условная – с сущим в возможности. Выделение этих двух типов модальностей имеет большое значение для лингвистики, так как первая из них является основой субъективной модальности в языке, а вторая – основой объективной модальности. Огромная заслуга Аристотеля также состоит в создании новой науки – модальной логики, которая предполагает совместное использование модальностей и логических операций.

Вплоть до XIV в мире господствовала парадигма модальности, основанная на принципе полноты:

всякая возможность предполагает реализацию в действительном мире, то есть рано или поздно любая возможность переходит в действительность. Первым, кто изменил такое представление о модальности, был англичанин Д. Скот. Он утверждал, что действительный мир лишь одна из существующих возможностей, другие же могут быть не осуществлены вовсе, но в то же время составляют реальную альтернативу действительному миру [цит. по 1]. Взгляды Д. Скота в какой-то степени разделял немецкий ученый В. Лейбниц, которому принадлежит идея возможных миров. В. Лейбниц тоже рассматривал действительность как частный случай из полного набора возможностей, однако говорил о возможном как об абсолютном понятии. Кроме того он утверждал первичность возможного и вторичность действительного [цит. по 4]. Противоположного мнения придерживался соотечественник В. Лейбница И. Кант, который всегда рассматривал возможность относительно чего-то, не считая ее абсолютным понятием, а также полагал, что возможное происходит от действительного [цит. по 4].

Несмотря на различие взглядов ученых, изучавших понятие модальности, можно вывести общее определение данной категории с точки зрения философской науки. Нельзя не согласиться с тем, что модальность в философии есть «способ существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления или же способ понимания суждения об объекте, явлении или событии» [5, с. 373].

Наиболее часто с термином «модальность» можно столкнуться в рамках лингвистики, однако и здесь нет единого мнения относительно данной категории языка. Проблема определения понятия модальности в лингвистике объясняется сложностью ее структуры и разнообразием языковых средств, выражающих модальность, которые к тому же охватывают все уровни языка: фонетический, морфологический, лексический, лексико-синтаксический и синтаксический. Несмотря на существование большого числа подходов к объяснению модальности в языке, большинство лингвистов определяют ее как функционально-семантическую категорию и разграничивают на объективную и субъективную модальность.

Согласно Большому энциклопедическому словарю по языкознанию, «объективная модальность выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности и ирреальности» [6, с. 303], то есть соотносит высказывание с действительным миром, являясь при этом обязательным компонентом предложения. Объективная модальность обычно связывается с формами изъявительного и ирреальных наклонений (сослагательного, условного, желательного, побудительного, должностовательного). Например, предложения «Он был доволен», «Он доволен», «Он будет доволен» заключают в себе значение временной определенности, выражая объективную модальность в форме изъявительного наклонения соответственно в прошедшем, настоящем и будущем времени. А предложения типа «Он был бы доволен», «Пусть он был бы доволен», «Пусть он будет доволен» характеризуются временной неопределенностью, а значит, представляют объективную модальность в форме ирреальных наклонений. Глубоким исследованием объективной модальности занималась Е.В. Падучева, утверждавшая, что «признак модальности трактуется как принимающий два значения: реальная модальность и нейтральная модальность» [цит. по 2, с. 241]. Реальная модальность соответствует высказываниям, содержание которых имеет место в действительном мире. Например, реальная модальность может быть выражена предложением со сказуемым в изъявительном наклонении: «Он сейчас отдыхает». Кроме того, примером реальной модальности может выступать придаточное предложение: «Он наблюдает, как мама